

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕТАФОРЫ В ПРОЗЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Прозаические тексты О. Мандельштама – явление малоизученное в лингвистике. В ряде литературоведческих работ (Н. Я. Берковский, П. Нерлер, В. Кривулин, Ю. Фрейдин) [1] содержатся лишь общие наблюдения над особенностями языка этой необычной прозы – прозы поэта. Повышенная образность художественного слова в такой прозе обуславливает интерес к изучению метафорического словоупотребления в ней.

Одним из наиболее распространенных образных средств, функционирующих в прозе О. Мандельштама, является метафора. Рассмотрим особенности ее употребления.

Метафора является одним из главных стилиобразующих факторов поэтики О. Мандельштама. «Стиль Мандельштама, – отмечает К. Мочульский, – напряженно метафоричен» [2. С. 512].

Разнообразие структуры метафоры дает возможность рассмотреть данный троп в рамках морфолого-синтаксической классификации: в прозе Мандельштама представлены субстантивные словосочетания с прилагательным, предложно-падежные метафорические конструкции, глагольные метафоры, предикативно-именные метафоры. Анализ каждой группы метафор предполагает выявление их семантических особенностей.

В метафорических субстантивных словосочетаниях с прилагательным в роли метафоры может выступать как абстрактное, так и конкретное понятие: *пропагандистский искус*;

ребяческий империализм;
человечья саранча.

Конкретизация абстрактного существительного-метафоры происходит в данном случае за счет зависимого прилагательного, указывающего на

определенный круг явлений действительности.

Предложно-падежные метафорические конструкции представлены в прозе Мандельштама двумя типами: сочетанием «сущ. + сущ. с предлогом» (например, «домики с низкими душонками») и генитивными словосочетаниями. Преобладают генитивные метафоры, разнообразные по лексико-грамматической принадлежности составляющих их существительных:

- метафору могут образовывать абстрактные существительные:

...Мы увлеклись спортом красноречия;
Мне хочется... следить... за шумом и прорастанием времени (ср.: название автобиографической книги «Шум времени»);

- в роли главного члена словосочетания может выступать конкретное существительное, которое составляет основу для характеристики зависимого абстрактного существительного:

Люди, живущие под звездой скандала;
Где-то... плавали бармы закона;

- абстрактное существительное может выступать в роли главного члена метафорического словосочетания и характеризоваться конкретным:

В ней был холодок компаньонки, лектрисы и сестры милосердия;
А Генрих Яковлевич с легкостью болонки бежал по лестницам.

Особое место в данной группе занимают метафоры, в которых главное слово – абстрактное существительное – является отглагольным образованием и обозначает конкретное действие. Его сочетание с неодушевленным существительным вызывает эффект олицетворения:

...Лопотание тупфелек, натертых тальком...;

- наиболее многочисленную группу составляют словосочетания, образованные конкретными существительными:

хобот бормашины;

кратер мельницы-шарманки;

дупло комода;

лапки очков;

улей гармонистов.

Данные метафоры характерны для поэтики Мандельштама; они создают яркие, основанные на зрительном сходстве различных предметов образы. Эти образы «материальны», предельно наглядны. Процесс метафоризации здесь актуализирует дополнительные смысловые оттенки, заключенные в семантике обычных слов.

Предикативно-именные метафоры, по характеру смысловых отношений между компонентами близкие сравнению («так как в них в большей степени выражено противопоставление понятий» [3. С.59]), представлены в прозе Мандельштама двумя типами:

- метафорическое значение выражено одним словом (часто распространяемым обособленными определениями):

Рукопись – всегда буря, истрепанная, исклеванная;

Нарзан – ...шампанское, бьющее прямо из земли.

Подобные предикативные метафоры-сказуемые могут функционировать в предложении, традиционно сочетаясь с указательным словом «это»:

Нотная страница – это революция в старинном немецком городе;

Каждый такт на нотной странице – это лодочка, груженная изюмом и черным виноградом.

- подлежащее может характеризоваться метафорическим генитивным словосочетанием:

Разлука – младшая сестра смерти;

Узнаю тебя, площадь большой оперы, – ты пуговина городов Европы.

Среди глагольных метафор, встречающихся в прозе Мандельштама, наиболее распространены

олицетворения, основанные на переносе свойств человека (чаще конкретных действий) на неодушевленные предметы или явления:

Страх берет меня за руку и ведет;

...Чешуйки рыбы подмигивали пластиночками кварца;

...Хлопья перинного пуха нежились в густой... черноте;

На террасе, способной приютить все семя Авраама, скорбел удойный умывальник.

Употребление глагола «скорбеть» (обозначающего внутреннее состояние человека) в последнем примере основано, по мнению А. В. Николаевой, на иронии: «внедрение» в образную ткань повествования речевых штампов, свойственных советской идеологии, создает комический эффект, отражая тем самым отношение автора к окружающей действительности [4].

Особую роль в поэтике Мандельштама играет прием расширения метафорического контекста. Яркое проявление данного приема – распространение генитивной метафоры прилагательным, вносящим новые смысловые и экспрессивные оттенки в описываемый объект.

Прилагательное может относиться к слову-метафоре, представленному в исходной форме существительным в именительном падеже:

мраморная плаха умывальника;

горячее облако прачечной;

синяя кварцевая хмури его очей.

В данных примерах метафорические эпитеты, обозначающие какое-либо качество, свойство, соотносятся со всеми членами генитивной конструкции («мраморный умывальник», «горячий воздух прачечной», «синие очи»).

колючая метла страха;

готическая елочка папоротника;

собачьи будки купален;

щучьи зубы пилы;

змеиный свист литературного

анекдота.

Эпитеты здесь связаны лишь с переносным значением существительного, их функция – выявление этого метафорического значения, указание на «логический ход ассоциаций при метафорическом сопоставлении двух предметов» [5. С.92]. Прилагательное может распространять и существительное, стоящее в родительном падеже (в составе генитивной конструкции):

- распространителем может стать качественное прилагательное:

На Севане подобралась... целая галерея умных и породистых стариков...

- распространитель – относительное прилагательное, употребляемое в прямом значении и не участвующее в создании «метафорического сдвига»:

*жужжание паяльных свеч;
кратер фарфоровой чернильницы;
подкова каменной колоннады.*

Прилагательные в прозе Мандельштама могут распространять оба члена генитивной метафоры и характеризовать предмет с какой-либо одной стороны, становясь контекстуальными синонимами:

*страшная лопата косматой бороды
(«косматая», а потому и «страшная»);
скупые уста щелистых окон
(«щелистые» окна пропускают мало света, оттого они «скупые»),
либо (чаще всего) давать описываемому предмету разностороннюю характеристику:*

Парнок бежал, пристукивая... овецьими копытцами лакированных туфель;

Улица, омытая козьим молоком феодосийской луны;

В корешках... дачных книг... застревала золотая перхоть морского песку.

Расширение метафорического контекста в прозе Мандельштама может осуществляться и за счет распространения глагольной метафоры деепричастным оборотом. В такое взаимодействие вступают, как правило, олицетворения:

*Белая ночь, шагнув через Колпино...,
добрела до Царского Села;
Островок отбежал назад, выпрямив
свою медвежью спину с*

*осьмигранниками монастырей;
...Открылся берег... с карликовыми
деревцами, которые купались в
стеклянном воздухе и, оживленно
жестикулируя, карабкались с перевала
на перевал.*

Отступая от морфолого-синтаксического принципа описания метафоры, рассмотрим отдельно важную для поэтики Мандельштама группу так называемых «метафор-загадок». Этот термин введен исследователем лирики Мандельштама Ю. И. Левиным для обозначения метафоры, в которой «описываемый объект замещен другим объектом» [6. С.458]. Данные метафоры основаны на отсутствии в их составе слова, употребляемого в прямом значении и тем самым указывающего на описываемый предмет, поэтому они содержат в себе элемент загадки:

*Паровоз, в цилиндре, негодовал на
тяжесть шапокляков;*

*Гора..., бараки строительства и
набитая пассажирами консервная
жестянка – вот вам окрестности
Эривани;*

*[В поезде] ... на буферных площадках...
наскакивают друг на друга две гремящих
сковороды;*

*Из-под пальмовой коры выбивалась седая
мочала театральных париков.*

Метафоры-загадки основаны на поэтике «пропуска связующих семантических звеньев» [7. С.127]. Автор полагается на воображение читателя и, не называя предмет обычным способом, дает ему новое, образное, название. Приведем слова Н. Я. Берковского: «Мандельштам - ... поэт, для которого мир без названий и титуляций не представим, чья величайшая спесь в том, чтобы прийти к вещам последним номенклатором, остроумным соперником тех, кто давал вещам имена и определения до него, до его крестинного объезда богатой и

беспорядочной литературной епархии. Не уловлять неназванное, а смещать старые имена и любоваться контрастом между новой надписью и полустертой старой как бы призван Мандельштам, много в его стиле от игрового начала» [8. С.290].

Примечательно, что рядом с метафорой-загадкой может находиться прямое обозначение предмета, в результате чего осуществляется «двойное» название реалии:

*В толпе работал бондарь – страх;
Мы... увенчали свой день чашечкой
турецкого кофе с рюмкой жидкого
золота – горячего мартеля;
Мой исаковский Пушкин был в ряске
никакого цвета, в гимназическом
коленкоровом переплете, в черно-бурой,
вылинявшей ряске...*

В целом метафора в прозе Мандельштама ориентирована на создание яркого внешнего зрительного образа. Любая абстракция, попадая в контекст подобной «предметной» метафоры, конкретизируется, получает вещественное воплощение.

Оригинальность стиля прозы поэта основана на поиске в значениях привычных слов особых оттенков смысла, ассоциативное соединение которых обуславливает поэтику смысловых смещений.

Метафора лежит в основе мировосприятия поэта. «Только через метафору, – писал Мандельштам, – раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» [9. С.238].

Библиографический список

1. Берковский Н.Я. О прозе Мандельштама // Берковский Н.Я. Мир, создаваемый литературой. М., 1989. С.286-305.
2. Нерлер П. Отголоски шума времени // Вопросы литературы .1991. №1. С.32-68.
3. Кривулин В. Три прозы поэта // Звезда. 1995. №6. С.182-191.
4. Фрейдин Ю. О прозе Мандельштама // Наше наследие. 1991. №1. С.58-61.
5. Мочульский К. Проза Мандельштама // Мандельштам О.Э. Стихотворения. Проза. Статьи. М., 1998. С.512-515.
6. Рыньков Л.Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX века. Челябинск, 1975.
7. Николаева А.В. «Путешествие в Армению» О.Мандельштама // Русская речь. 1997. №6. С.35-41.
8. Некрасова Е.А. Метафора и ее окружение в контексте художественной речи // Слово в русской советской поэзии. М., 1975. С.76-110.
9. Левин Ю.И. Структура русской метафоры // Левин Ю.И. Избранные труды. М., 1998. С.457-464.
10. Полякова С.В. Олейников об Олейникове и другие работы по русской литературе. М., 1997.
11. Берковский Н.Я. Указ. соч..
12. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в 2-х томах. Т.2. Проза. М., 1990.